

**И.Ю. Кобзев**

**УЕДИНЕННАЯ ПРОГУЛКА  
(Перипатетический рассказ)**

*«...из Мемфиса, а может быть, из Атлантиды, явился он:  
поразговаривать о нарастании в XX столетии египетских смыслов»  
(Андрей Белый «Начало века»)*



П.А. Флоренский и А.М. Флоренская

Тихо щелкнул замок в двери, проскрипели ступени крыльца под ногами, зашуршали мелкие камешки на садовой дорожке, звякнула ручка калитки и отец Павел вышел на спящую улицу. Он глубоко вдохнул прохладный ночной воздух, напоенный запахом ночной фиалки, и выдохнул остатки винного перегара: сегодня ночью он работал над завтрашней лекцией об истоках женского монотеизма в истории. Он всегда пил вино ночью, когда писал об искусстве его любимой Эллады. Вино бодрило и уносило его воображение в мир совершенных форм и мудрых мыслителей. Он понимал, что идеализирует реальную Элладу времен Платона, но это не смущало его - он видел античность глазами Иоанна Богослова на Патмосе: «новую землю и новое небо», как на картинах Пуссена.

Где-то в глубине сада ухнула сова, со стороны речушки доносилось томное квакаение лягушек. Небо было полно звезд. Их света хватало для того, чтобы видеть серебристую дорожку пыли среди темной муравы, росшей на его улице. В голове его сразу всплыли строчки из Лермонтова:

«Выхожу один я на дорогу;  
Сквозь туман кремнистый путь блестит;

Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,  
И звезда с звездою говорит.  
В небесах торжественно и чудно!  
Спит земля в сияньи голубом...»

Он быстрым шагом пошел вдоль улицы, оставляя после себя облачка серебристого света, которые медленно оседали на дорожку. Худенький человечек в светлом подряснике и темной скуфейке шел сутулясь, опустив голову и изредка бросая взгляд на окружающую его ночь. Казалось, что его гоголевский нос – «нос кавказской национальности» - своей тяжестью не дает ему держать голову прямо. За этот нос друзья прозвали его «нос в кудряшках». А еще его называли древним греком. Он сам чувствовал себя им, быть может реинкарнацией самого Платона или кого-нибудь из неоплатоников. Хотя православный священник не должен пользоваться теорией реинкарнации, но ведь верил же в перевоплощение Ориген...

... Улица вышла к Лавре и превратилась в дорогу вдоль ее южной стены. Ночью мощные стены Лавры казались обрывистыми скалами, а серебристый от росы луг по другую сторону дороги казался затихшим морем. «Как в Греции», - подумал отец Павел, - «Как хотелось бы мне жить на острове и каждый день видеть и слышать море. И чтобы не нужно было читать лекции студентам и не нужно было издавать журнал. А только думать и думать... Бог даст, еще будет это в моей жизни». Почему-то ему показалось, что Бог услышал его просьбу. Он улыбнулся и перекрестился. «Исихия перипатетикон – прогуливающееся молчание, вот мой мир, мой рай, в котором я не должен притворяться ни священником, ни ученым, ни философом, ни даже Павлом Флоренским. Я просто смертный бог или маг этого мира. Кому я могу это сказать? Никому: одни меня провозгласят еретиком, другие мракобесом. Ах, как я устал от этих ярлыков: «эллин в христианстве», «православный декадент», «маскирующийся еретик». А ведь «ересь» – это всего лишь «разномыслие», но чтобы понять это, нужно иметь хотя бы какое-то «мыслие». Каждая мысль чревата ересью. Точно так же каждая теория пронизана верой. Поэтому в обществе можно оставаться только принимая основное правило их игры: не называть вещи своими именами... А вот авторы Священного Писания еще не играли в эту игру, поэтому и смогли написать: «вы — боги, и сыны Всевышнего — все вы». И теперь ревнители веры не знают как прикрыть наготу этих слов...

...Прикрыть наготу, скрыть мысль... Что-то есть общее в этом страхе перед истиной... Розанов это понял: он единственный прямо сказал, что созидающий Логос связан в человеке с половой любовью... Нагая богиня – Афродита, Астарта, Изиды, Великая Мать – все это след первоначального женского единобожия. Дважды всемогущая Афродита, дважды побеждающая всякого – страстью и смертью – и дважды приемлющая в себя каждого – в рождении и в погребении. Тогда и само половое соитие можно рассматривать как символическую смерть мужского семени, превращаемую Великой матерью в рождение новой жизни. Это Вячеслав Иванов заметил, что мужской бог при Великой богине – это страдающий и умирающий бог, как Дионис или Озирис... И Христос? При Богоматери? – Вот я и снова еретик... А как можно задать вопрос и бояться ответа? Способ один – не задавать вопросов. Значит и не думать. Вот формула благочестия – не думай! И ведь можно это назвать смирением разума, можно даже считать подвигом благочестия, своего рода умственной аскезой. Но зачем же тогда Бог сотворил нас по образу и подобию своему? Кто мы без умственных усилий? Без вопросов, обращенных к миру и Богу? – Безмозглые собачки, виляющие хвостом, обнюхивающие друг друга в общественных местах и поднимающие друг на друга заднюю лапу, чтобы пометить своего, который не задает лишних вопросов... Не люблю домашних животных – они мне слишком напоминают людей. А людей я не люблю. Они

мне напоминают собачек. Вот так признание для священника! Кому я могу об этом сказать? Только Богу, во время молчаливой прогулки...

... Кого я люблю? Свою Анулю, свою «нагую богиню», в которой я столько раз умирал своей плотью, а она обращала эту смерть в рождение моих деток. Которых я тоже люблю... Животворящее лоно, «раквина Афродиты», моллюск наутилус помпилиус или «кораблик», изображаемый на миноевых и микенских вазах, - символ самой Афродиты. Вот пример созерцания божественной красоты в самом казалось бы вульгарном и низменном. То, как сейчас пишет о половой любви Василь Василич, не обращая внимания на помои, которыми его поливает критика. Надо будет ему написать о наутилусовом орнаменте...

... Это мой крест: я служу религиозной научности и научной религиозности. А проще говоря: я всегда один и тот же - и когда задаю вопросы природе, и когда вопрошаю Бога. Да и разве можно их разделить, когда из каждой щели в природе веет Божьим присутствием. Нужно только внимательно всматриваться и чутко вслушиваться в явления природы. И тогда наше знание о явлении будет последовательно отпадать, как скорлупа, как луковичные слои, и в сердцевине этой луковицы явления мы встретимся с Богом, который есть все и во всем. Я люблю природу, я люблю материю, ее формы и явления, деревья и травы, реки и горы, облака и море, закаты и рассветы, звездное небо и тихий осенний дождик, потому что вся эта картина природы пронизана кракелюрами, в которых дышит Божье присутствие. Опять ересь: это же пантеизм! Но по-другому Бог и не может быть воспринят со стороны материи. В трещинах материи сквозит магия мира платоновских эйдосов. Поэтому любое явление природы – это символ того эйдоса, который проявляется в нашем мире через это явление... Дионисий Ареопагит говорит, что Бог не обладает бытием. Конечно, а иначе зачем Ему сотворять мир, который обладает бытием? Мир обладает бытием, но его основания, его корни погружены в Того, кто бытием не обладает. Кто есть «слепящая тьма или Божий мрак», поскольку мы не можем увидеть Божий свет. А значит можем двигаться к Богу только апофатически, «спиной вперед», чтобы не ослепнуть. А по пути мы видим скорлупки явления, его слои, которые мы последовательно миновали на пути к ноумену-эйдосу. Это как горизонты, слои, пласты в геологии, это «метагеология символа». А в центре каждого символа присутствует Бог, который сам не обладает бытием, но через иерархию символа проявляется в бытии мира...»

Отец Павел дошел до мостика через речку и облокотился на его перильца. На востоке уже появилась полоска зари. Звезды побледнели. Он вспомнил стихотворение Никитина, которое вчера читал сыну:

«Звезды меркнут и гаснут. В огне облака.

Белый пар по лугам расстилается.

По зеркальной воде, по кудрям лозняка

От зари алый свет разливается.

Дремлет чуткий камыш. Тишь — безлюдье вокруг.

Чуть приметна тропинка росистая»

Он вздохнул и медленно пошел обратно к дому: «...Мир насквозь божественный, только выявляется эта божественность с трудом, потому что Бог не похож на мир. А наши органы чувств и наш разум настроены на восприятие и понимание именно мира, а не Бога. Но мир материи и мир эйдосов-ноуменов соприкасаются в сердцевине всякого символа, а значит повсюду. Жизнь нашей собственной души дает основание для суждения о границе соприкосновения этих миров, ибо в нас самих чередуется жизнь в видимом с жизнью в невидимом. И бывают времена пусть очень короткие, когда нами созерцается дуновение нездешнего: в культе, в смерти, в сновидении, в мистическом

экстазе, в духовном зрении, во всяком творчестве, наконец, ведь всякое истинное творчество направлено на раскрытие ноуменальной стороны явлений...

... А как можно представить себе эту границу между «миром горним» и «миром дольным»? Они взаимно обратны друг к другу, они связаны операцией инверсии. Математически это мир действительный и мир мнимый. Как на вышивке, которую вышивает Ануля: на одной стороне вышиты цветы – картина мира феноменов, а если перевернуть вышивку, то увидишь совершенно непонятный хаотический узор – это мир ноуменов. Вот так и реальность можно представить себе двойной, состоящей из действительной и из совпадающей с ней мнимой гауссовой координатной поверхности. Я писал об этом еще когда учился в университете... А что такое переход с одной поверхности на другую, разлом мира, выворачивание тела наизнанку?.. Где-то такой разлом уже описан... Ах, да ведь это же путь Данта в «Божественной комедии»! И именно в точке, где расположен половой орган Люцифера, на дне ада. Там они с Вергилием перевернулись вверх ногами и пошли дальше. Но во Флоренцию он возвращается в нормальном, а не перевернутом положении. Итак: двигаясь все время вперед и перевернувшись один раз на своем пути, поэт приходит на прежнее место в том же положении, в каком он уходил из него. Следовательно, если бы он по дороге не перевернулся, то прибыл бы по прямой на место своего отправления уже вверх ногами. Значит, поверхность, по которой двигается Дант, такова, что прямая на ней, с одним переворотом направления, дает возврат к прежней точке в прямом положении; а прямолинейное движение без переворота — возвращает тело к прежней точке перевернутым. То есть это поверхность односторонняя, вроде ленты Мебиуса, а значит Дантово пространство построено по типу эллиптической геометрии Римана. Надо будет вернуться к этой работе и дополнить ее...

... Разлом и выворачивание... Это граница одной физики и переход к другой физике. В специальном принципе относительности Эйнштейна-Пуанкаре эта граница выражается предельностью мировых скоростей. Когда скорость тела достигает скорости света, его пространство стягивается в точку, время останавливается, а масса становится бесконечной. Иначе говоря, тело утрачивает свою протяженность, переходит в вечность и приобретает абсолютную устойчивость. Разве это не есть пересказ в физических терминах признаков эйдосов, по Платону — бестельных, непротяженных, неизменяемых, вечных сущностей? Ну а если, скорость тела все-таки превысит скорость света, что тогда? А тогда время протекает в обратном смысле, так что следствие предшествует причине. Иначе говоря, здесь действующая причинность сменяется причинностью конечной, то есть телеологией, — и за границей предельных скоростей простирается царство целей. При этом длина и масса тел делаются мнимыми. Я так и вижу это: как, стянувшись до нуля, тело проваливается сквозь поверхность — носительницу соответственной координаты, и выворачивается через самого себя, почему и приобретает мнимые характеристики. Можно сказать, что пространство ломается при скоростях, больших скорости света, подобно тому, как воздух ломается при движении тел, со скоростями, большими скорости звука. И тогда наступают качественно новые условия существования пространства, характеризуемые мнимыми параметрами. Мнимость параметров тела должна пониматься как свидетельство о его переходе в другую действительность, на другую сторону реальности... Нет, надо взяться и переписать эту работу о мнимостях...

... Вообще, если посмотреть на физику, то сразу бросается в глаза ее «кусочное» устройство. Отдельные теории описывают свои замкнутые реальности, а между ними зияют неопишуемые трещины – «кракелюры физики». Эти трещины и намекают на присутствие иного мира. Вот та же теория Эйнштейна отменяет динамику Галилея-Ньютона, но при малых скоростях переходит в эту самую динамику. А сама механика

Ньютона отменила физику Аристотеля, но переходит в нее при сильном трении – тогда сила будет пропорциональна скорости. Все это разные физики, которые в данном случае можно стянуть одну к другой, а как стянуть между собой электродинамику и термодинамику, например? Это напоминает притчу о слепых, которые ощупывают слона и говорят, на кого похож слон: один держит его за ногу и говорит, что на ствол дерева, другой держит его за хобот и говорит, что на змею, третий - за хвост, и говорит, что слон похож на веревку. Так и физика не понимает, как выглядит наш «слон» на самом деле. Все эти описания дополняют друг друга, но не позволяют понять мир в его единстве...

... А как в физике проявляются трещины в реальности? Я думаю, что как флуктуации, как случайности. Физики говорят об этих ситуациях, как о неустойчивых состояниях, в которых не соблюдаются закономерности. Вот, например, свободно вращающийся маятник: пока его энергия не очень велика, он качается вперед-назад. Когда его энергия велика, он вращается в одном направлении вокруг точки подвеса. А когда его энергия имеет промежуточное значение, он может застыть в вертикальном положении, которое очень неустойчиво. И тогда первая же флуктуация либо вернет его в состояние качания, либо в состояние вращения. То есть неустойчивое состояние – это как бы антенна для улавливания флуктуаций. И чем влияние случайности отличается от свободы воли? С точки зрения физики – ничем. Мы тоже антенны для улавливания слабых вейний «горного мира». Как это у Пушкина:

«Затем, что ветру и орлу  
И сердцу девы нет закона»

Но для этого мы тоже должны быть в состоянии неустойчивости, чувствительности. В этом смысл аскезы – чтобы удерживать наше тело и дух именно в таком состоянии. И тогда случайность становится для нас промыслом Божиим. Как это было со мной, когда я случайно нашел четырехлистный трилистник во время охоты и вдруг понял, что это знак – знак, что я должен жениться на моей Ануле. Видимо я тогда сам был как тот маятник, торчащий вверх, готовый как на брак, так и на то, чтобы отказаться от него. Сейчас даже страшно вообразить себе, что я бы не сделал ей предложения...»

Уже совсем рассвело. Царь-колокол на колокольне ухул и звук его поплыл над всем Божиим миром. Стаи птиц с резким граем поднялись в воздух. И сразу следом зазвонили колокола к заутрене. Отец Павел перекрестился:

«... Промысел Божий... Он начинается как флуктуация, незначительное маргинальное явление, но потом, оглядываясь назад во времени, мы понимаем, что именно в этом явлении проявилась воля Божья. Это как случайно сорвавшийся камешек становится причиной камнепада в горах. А горы – это как раз и есть область неустойчивости с точки зрения силы тяготения. Как это напоминает историю с имяславием! Как раз ровно год назад на Афон пришел русский военный корабль и пароход с солдатами, которые штурмом брали русский Пантелеймонов монастырь, поливали монахов из пожарных шлангов и силой загоняли их на пароход. Русские солдаты совершали насилие над русскими монахами! И за что? За то, что монахи почитали Имя Божие. Боже мой, Боже мой! А если это только начало, только провозвестие грядущей лавины, которую уже вызвало это событие? Ведь что произошло: афонские исихасты провозгласили, что Имя Божие есть Бог, что в этом Имени присутствует Божественная энергия, стяжанием которой и происходит обожение человека. Этому учил еще в XIV веке Григорий Палама. И вот в начале нашего века в Православной церкви, среди монашествующих явилось это откровение, быть может та самая флуктуация, которая могла привести к обновлению всей церковной жизни. И что же? Собирается Святейший Синод, объявляет имяславие ересью и посылает военную силу, чтобы очистить Афон от еретиков.

Русский военный корабль против Имени Божиего! Что же после этого может быть с

православным русским воинством? Только одно – потеря Божьего покровительства. Не дай Бог, разразится война, а мы окажемся без Его заступничества. Господи, спаси и сохрани Россию! – отец Павел троекратно перекрестился на блеснувшие в первых солнечных лучах купола Лавры. Опять вспомнились строки из стихотворения Никитина:

«Вот и солнце встает, из-за пашен блестит,  
За морями ночлег свой покинуло,  
На поля, на луга, на макушки раки  
Золотыми потоками хлынуло...  
Не боли ты, душа! отдохни от забот!  
Здравствуй, солнце да утро веселое!»

- Здравствуй, утро веселое! – отец Павел улыбнулся и глубоко вздохнул. В самом деле: лето только начинается, сегодня у него последняя лекция в Академии, потом летние вокации, можно побыть дома с детьми и поработать над геометрией мнимостей. Он прибавил шаг и скоро оказался возле ворот своего дома. С другой стороны улицы к воротам подходил знакомый почтальон в форменной фуражке и с сумкой на боку. Заметив отца Павла, он снял фуражку и подошел под благословение. Отец Павел привычным жестом благословил его и получил сегодняшний номер «Речи». Уже открывая калитку, он бросил взгляд на заголовок передовицы, набранный большими буквами: «Убийство эрцгерцога Фердинанда в Сараево». Почтальон еще раскланивался с ним, а отец Павел уже не слышал его, он слышал только нарастающий гул лавины, которая накрывала всю его оставшуюся жизнь – всю их оставшуюся жизнь...

Имение «Ясенева поляна», июль 2016